

ПЕВЕЦ ОБЕЗБОЖЕННОГО БЫТИЯ

САМ НКОЛАЙ МАКАРОВИЧ по-
том себя не считал, ни одно из его
стихотворений при жизни опубли-
ковано не было.

Но поэтом, несомненно, был — не ме-
нее значительным, чем более удачливый
вроде Евгения Евтушенко, предревавшего
нелепейшей статей публикацию отобран-
ных им лично стихотворений — есте-
ственно, самых худших. Да и можно ли
было ждать чего другого от человека с та-
ким чудовищным поэтическим (да и не
только поэтическим) вкусом?

Люди же из окружения Олейникова, чьи
интересы лежали главным образом в об-
ластях философии и богословия, считали
его, выходя из кондовой казачьей семьи,
получившего не бог весть какое образова-
ние, гением.

Впрочем, особый подход Олейникова к
важнейшим для человеческого сознания
вещам отмечали и другие, очень немногие,
но зато куда как влиятельные в области
культуры современники. "Олейников —
один из самых умных людей, каких мне
случалось видеть", — говорит один из та-
ких современников, крупнейший литерату-
ровед Лидия Гинзбург. И, отметив точность
его вкуса, изощрённое понимание того, о
чём он пишет, делала после этого, как мне
кажется, многоточительную паузу и до-
бавляла: "При этом его ум и поведение
как-то иначе устроены, чем у большинства
из нас".

Может быть, как раз по недооценке
этого ума многие и при жизни Николай Ма-
каровича, и даже до сих пор считают его
комическим поэтом, что отчасти оправ-
дано: стихи Олейникова действительно
очень смешны, но только при первом, вто-
ром, ну, может быть, третьем чтении.

Поначалу кажется, что Олейников, со-
хранивший привычку, лексику и юмор до-
ского казака, смотрит на мир каким-то го-
лым и циничным взглядом, лишённым
рефлексии. Но даже при не слишком вни-
мательном чтении эта рефлексия обнару-
живается едва ли не в каждом его слове.

В одном из лучших его стихотворений
есть такие, в сущности, проходные строки:

*Отчего же ты, несчастный,
В океан страстей попал,
Из-за Шурочки прекрасной
Быть собою перестал.*

Строки эти служат лишь интродук-
цией к последующей за ними любовной
драме блохи мадам Петровой, которой
посвящена большая часть стихотворе-
ния (к нему мы вернёмся немножко
позже), но то, что упоминаемый в них
"океан страстей" напрямую связан с по-
терей личностного начала, при которой
человек перестаёт быть самим собой,
— это очень важно.

С наибольшей силой мотив потери
человеком ощущения самого себя как
личности, самоотчуждения выражен
в стихотворении "Перемена фамилии", ге-
рой которого, почувствовавший нечто не-
ладное в своей жизни, пытается измен-
ить дошедшую до критического предела
ситуацию поверхностными, так сказать,
средствами, за счёт перемены внешних
обстоятельств, а именно: перемены
имени и фамилии с Александра Козлова
на Никандра Орлова.

Вспомним в этой связи, какое значение
придаёт А. Ф. Лосев имени и его влиянию
на характер и даже судьбу человека в од-
ной из своих работ. Козлов тоже питает на-
дежду, что

*С фамилией мой,
Судьба его станет иной,
И жизнь потечёт по-иному,
Когда он вернётся домой.*

(Текст, естественно, перефразирован).
Он осуществляет то, что было задумано, и
вот:

*Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.
Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.*

Но дальше с ним происходит нечто не-
предсказуемое:

*...Я в зеркало глянул стеное,
И в нём отразилось чужое лицо.*

*Я видел лицо негодяя,
Волос напомаженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.*

*Тогда я оцупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал...*

*С последним коротким сигналом
Пробьёт мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помогитеся за нас!*

Стихотворение это затрагивает очень
важную проблему, а именно частое сочета-
ние в человеческой личности лица и маски
с постепенной и неизбежной подменой
первого вторым. В статьях, посвящённых
творчеству Олейникова, как правило, фигу-
рирует эти термины — "личина", "маска",
— что, в общем-то, правильно, однако он
употребляется многочисленными исследо-
вателями в довольно примитивном его
смысле, а именно: в смысле маски, наде-
ваемой автором, чтобы сохранить дистан-
цию между ним и его персонажами.

Однако термин это заключает в себе
более обширное значение.

Сошлёмся на глубочайшее исследова-
ние, предпринятое в этом смысле отцом
Павлом Флоренским в его замечательном
труде "Иконостаc". Вот что он пишет по
этому поводу:

"Полную противоположность лику со-
ставляет слово "личина". Первоначальное
значение этого слова есть "маска", "ларва"
— "larva", чем отмечается нечто подобное
лицу, похожее на лицо, выдающее себя за
лицо и принимаемое за таковое, но пустое
внутри как в смысле физической веще-
ственности, так и в смысле метафизиче-
ской субстанциональности. Лицо есть яв-
ление некоторой реальности и оценивается
нами именно как посредничающее между
познающим и познаваемым, как раскрытие
нашему взору и нашему умозрению сущ-
ности познаваемого. Вне этой своей функ-
ции, то есть вне откровения нам внешней
реальности, лицо не имело бы смысла. Но
смысл его делается отрицательным, когда
оно, вместо того чтобы открывать нам об-
раз Божий, не только ничего не даёт в этом
направлении, но и обманывает нас, лживо
указывая на несуществующее. Тогда оно
есть личина. <...> Существо же человека
есть образ Божий, и потому грех, пронизи-
вая собою всю самосозидаемую "хра-
мину", по Апостолу, личности, не только не
служит выражению вовне существа личи-
сти, но, напротив, закрывает это существо.
Явление личности отщепляется от суще-
ственного её ядра и, отслоившись, дела-
ется скорлупою. Явление — это есть, кото-
рым входит в познающего познаваемое,
— делается тогда тьмою, отделяющею и
уделяющею познаваемое от познающего,
в том числе и от себя самого, как познаю-
щего: "явление" из общепродного, плато-
новского, церковного, в смысле выявления
или откровения реальности, сделалось
"явлением" кантовским, позитивистиче-
ским, иллюзионистическим".

Здесь в скобках стоит отметить, что
ополшенный кантовский позитивизм как
раз и определяет все желания, мысли и
хотения философствующих олейниковских
персонажей, родственников, кстати, упомя-
нутому Евтушенко — и по типу мышления,
и, вообще, по образу жизни. Дальше, по
отцу Павлу: "Отстаивая явление от сущно-
сти, грех тем самым вносит в лик — чи-
стейшее откровение образа Божия — по-
сторонние, чуждые этому духовному
началу, черты и тем затмевает свет Божий:
лицо — это свет, смешанный со тьмою, это
тепло, местами изъеденное искажающими
его прекрасные формы язвами. По мере
того как грех овладевает личностью и лицо
перестаёт быть окном, откуда сияет свет
Божий, и показывает всё определённое
грязные пятна на собственных своих стё-
клах, лицо отщепляется от личности, её
творческого начала, теряет жизнь и цпе-
неет маскою овладевшей страсти".

Вот этот отказ от себя как от образа Бо-
жьего, это отклонение лица от личности и
превращение его в маску страсти почти с
математической точностью фиксирует в
своих произведениях Николай Олейников.
И делает он это в крайне гротесковой
форме, исходя из очень простого сообра-
жения: поскольку страсть — это отречение
от божоданной сущности, то человек, осу-
ществивший это, уподобляется даже не
скоту, который при определённых обстоя-
тельствах может проявить и героизм, и са-
мопожертвование, и самоотречение, но бу-
кашкам и таракашкам, мельчайшим и
примитивнейшим из тварей, которые преи-
мущественно и действуют в большинстве
его стихотворений.

При этом их крохотные и ум, и тельце
продолжает распырять пучина тех же стра-
стей, что и людей, которыми они, в сущно-
сти, перестали быть. Но даже такое суще-
ство — не то человек, не то насекомое
— жаждет чего-то большего, нежели пред-
лагает ему пошлая, низкая, сотворённая
им самим для себя действительность. И,
снова-таки — это влечение направляется
не на Бога, а на объекты самые неожиданные
и эксцентрические, но, в общем-то,
себе подобные. Например, на муху, без ко-
торого герой стихотворения под тем же на-
званием буквально не мыслит жизни.

*Я муху безумно любил!
Давно это было, друзья,
Когда ещё молод я был,
Когда ещё молод был я...*

Стихотворение это при всей своей
гротесковой постановке вопроса отно-
ду не неправдоподобно, многие из нас
stalkивались с патологической привяз-
анностью к кошкам или собакам, а то и
к крысам и тараканам их хозяев. Мне,
например, рассказывали, как человек,
умирающий на больничной койке, желая
оградиться от смерти, беспрестанно и
надрывно зывал: "Вася, спаси!" — воз-
глас, разумеется, был адресован отнюдь
не к Богу, что было бы естественно, а к
любимому коту.

Коварство же любви, выражаясь
словами олейниковских персонажей,
которые они понимают в весьма узком
смысле, вроде:

*Пищит диванчик,
Я с вами тут,
У нас романчик,
И вам капут,* — исследуется и в дру-
гих, весьма многих, если не в большин-
стве стихотворений, например, в балладе
"Чревоугодие", где эта страсть тесно пере-
плетаётся с другой, заявленной уже в са-
мом названии. Взяв за основу строки Лер-
монтова, обращённые к умершей воз-
любленной: "Я перенёс земные стра-
сти туда с собой" (кстати, баллада, откуда
они взяты, называется "Любовь мерт-
веца"), — Олейников развивает эту тему
загробных страстей в совершенно непред-
сказуемом и даже кошмарном плане, а
именно, в плане гастрономическом. И она,
эта гастрономия, оказывается почти нераз-
рывна с эротикой, что согласуется, в общем-то,
и со святоотеческим учением, где, если я
ошибаюсь, вторая проистекает из первой.

У Олейникова же это положение перевёр-
нуто и вывернуто наизнанку: под конец,
уже лёжа в могиле, герой всё-таки отказы-
вается от полового влечения, но в пользу
котлет, что, может быть, ещё страшнее.

*Пищит диванчик,
Я с вами тут,
У нас романчик,
И вам капут,* — исследуется и в дру-
гих, весьма многих, если не в большин-
стве стихотворений, например, в балладе
"Чревоугодие", где эта страсть тесно пере-
плетаётся с другой, заявленной уже в са-
мом названии. Взяв за основу строки Лер-
монтова, обращённые к умершей воз-
любленной: "Я перенёс земные стра-
сти туда с собой" (кстати, баллада, откуда
они взяты, называется "Любовь мерт-
веца"), — Олейников развивает эту тему
загробных страстей в совершенно непред-
сказуемом и даже кошмарном плане, а
именно, в плане гастрономическом. И она,
эта гастрономия, оказывается почти нераз-
рывна с эротикой, что согласуется, в общем-то,
и со святоотеческим учением, где, если я
ошибаюсь, вторая проистекает из первой.

У Олейникова же это положение перевёр-
нуто и вывернуто наизнанку: под конец,
уже лёжа в могиле, герой всё-таки отказы-
вается от полового влечения, но в пользу
котлет, что, может быть, ещё страшнее.

*Однажды, однажды
Я вас увидел,
Увидевши дважды,
Я вас обнимал.*

*А в сотую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил:*

*— Без хлеба и масла
Любить я не мог.
Чтоб страсть не погасла,
Пеките пироги!*

*Смотрите, как вяну
Я день ото дня.
Татьяна, Татьяна,
Кормите меня!*

К 120-летию со дня рождения поэта Николая ОЛЕЙНИКОВА

*Кормите, пойте
Отборной едой,
Пельмени варите,
Горох с ветчиной.*

*От мяса и кваса
Исполнен огня,
Любить буду нежно,
Красиво, прилежно...
Кормите меня!*

*Татьяна выходит,
На кухню идёт,
Котлету находит
И мне подаёт.*

*Исполнилось тело
Желаний и сил,
И чёрное дело
Я вновь совершил.*

*И снова котлета.
Я снова любил.
И так до рассвета
Себя я губил.*

*Заря занималась,
Когда я заснул.
Под окнами пьяный
Кричал "Караул!"*

*Легал я в постели
Три ночи, три дня
И кости хрустели
Во сне у меня.*

*Но вот я проснулся,
Слегка застался,
И вдруг ужаснулся,
И вдруг задрожал.*

*Я ногу хватаю, —
Нога не бежит,
Я сердце сжимаю, —
Оно не стучит.*

Тут я помираю.

*Зарытый, забытый
В земле я лежу,
Полоной покрытый,
От страха дрожу.*

*Дрожу оттого я,
Что начал я знать,
Но хочется вдвое
Мне кушать и пить.*

*Я пищи желаю,
Желаю котлет.
Красивого чаю,
Красивых конфет.*

*Любви мне не надо,
Не надо страстей,
Хочу лимонада,
Хочу овощей!*

*Но нет мне ответа, —
Скрипнул лишь доска,
И в сердце поэта
Всплывает тоска.*

*Но сердце застынет,
Увы, навесегда,
И жёлтая хлынет
Оттуда вода.*

*И мир повернётся
Другой стороной,
И в тело вопьётся
Червяк гробовой.*

Здесь нет даже видимости движения,
а тем более — развёрнутых путеше-
ствий в параллельную метафизическую
реальность, как это обычно бывает у
приятеля Олейникова, Александра Вве-
денского. Но одна такая реальность
всё-таки присутствует, пускай и ко-
свенно. Стоит задуматься, например, что
это за обратная сторона мира, которая,
может быть, совсем неслучайно упоми-
нается в самом конце. Очевидно, что
обратная сторона плотских удоволь-
ствий — это страдание, в том, конечно,
случае, если не удастся до конца себя
ими удовлетворить, а удовлетвориться
плотскими желаниями ни на том, ни на
этом свете до конца уж точно не
удастся. Что и происходит с героем,
даже за гробом продолжающим жаж-

дать вождепленных конфет и котлет, по-
тому и страдающим.

Отсюда вечная боль, ощущаемая как
червяк гробовой, в прямом смысле на-
мертво впавший в несуществующее
тело. Очевидно тот самый, знакомый нам
из Евангелия "червь ненасыщаемый", по-
тому тоска, которую за гробом испытывает
олейниковский гастроном отнюдь не пи-
душная, а искренняя, только осознав её,
и именно в евангельских понятиях, он на-
конец из монстра становится человеком и
поэтом, но слишком поздно:

*Но нет мне ответа, —
Скрипнул лишь доска,
И в сердце поэта
Всплывает тоска.*

Другими словами, это чувство можно
определить ещё как ощущение пусто-
сторонности, которое не помещается внутри, и
за счёт этого смутное ощущение Бога, ко-
торое начисто, казалось бы, было похоро-
нено под шепухой бессмысленных поня-
тий и пустых слов. Вспомним, последний
автоматический, но вовсе не случайный
вырвавшийся воплас Козлова-Орлова "Дру-
зья, помолитесь за нас!", придающий хотя
бы последней минуте его жизни какую-то
осмысленность.

Христианство, в сущности, изначально
является любая человеческая душа. Она
находится в тесном и тёмном кармане
своих страстей и влечений, и шире мира,
который она сама себе создаёт и в ко-
торый сама же себя загоняет. Отсюда, оче-
видно, и неясный путь, в конце которого не
выход, а тупик бесконечно длящейся
смерти, которую с ужасом как единствен-
ную фактологическую реальность фикси-
руют многочисленные олейниковские пер-
сонажи:

*...Страшно жить на этом свете,
В нём отсутствует уют, —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика ерызут...*

Так всё мироздание в конечном счёте
предстает как бессмысленное, наполнен-
ное мелким копошением существование
на фоне экзистенциального ужаса, где
впереди нет ничего — как, например, у та-
ракана, попавшего в стакан, которого
пришли казнить висевисекторы в интересах
неких смутных научных целей, и который
страдает отнюдь не от того, что ему пред-
стоит умереть, а от того, что, по науке, ни-
чего, кроме этой жизни под стаканом,
больше нет.

*Таракан к стеклу прижался
И глядит едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.*

*Но наука доказала,
Что души не существует,
Что пёвчнка, кости, сало —
Вот что душу образует.*

*Есть лишь только сочленения,
И затем соединения.*

*Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.*

И ведь даже это принесённое
откуда-то извне осознание жизни как
страдания выводит таракана на более
высокий, чем просто потребительско-
существовательный, уровень и даже
даёт какую-то видимость утешения:

*Всё в прошедшем — боль, невезоды,
Нету больше ничего.
И подпоченные воды
Вытекают из него.*

Кажется, повествование о таракане
заключает в себе множество ассоциа-
ций, например, в нём можно вычитать
тему геноцида русского народа, как это
сделал один из немецких исследовате-
лей творчества Олейникова. Можно вы-
читать и многое другое.

Но вопрос даже не в том, действи-
тельно подразумевает ли оно, это твор-
чество, те смыслы, которые мы вычиты-
ваем. Может быть, Олейников и вправду
сознательно вкладывал христианский
подтекст в свои смехотворно звучащие
строки и всё творчество его является глу-
боко осозанным христианским актом,
тщательно скрываемым под маской, ко-
торой он таким образом возвращает пер-
воначальное сакральное значение, ка-
ковым она, согласно тому же Флоренскому,
обладала в античности, до того, как была
оплодотворена в последующие за ней вре-
мена? Или же это неизжитые автором
рецидивы тех религиозных понятий о
мире, которые были заложены у него с
детства и которые подсознательно опре-
деляли его творчество?

Но если да и бессознательно, то
это мало меняет дело.

Наверное, религиозные токи не
всегда сотрясают всё естество челове-
ка, формируя таким образом из него
сознательного христианина, иногда они
подспудно и независимо от его желания
приспосабливают в нём. Думаю, что исклю-
чительно благодаря таким токам, неспо-
рично на внешние обстоятельства биогра-
фия: боец Красной армии, член партии
большевиков с 1919 года и тому подоб-
ное, — и стал Олейников выдающимся
поэтом, даже в своём роде гениаль-
ным поэтом, глубоко почувствовавшим
экзистенциальный ужас обезбоженного
бытия, полным живых мертвецов, до
срока теряющих человеческое сознание
и даже вид. В отличие, кстати, от мно-
гочисленных поэтов-иристов, пробовав-
ших подражать ему в 70-е, 80-е и 90-е
годы прошлого столетия. Да и не остав-
ляющих таких попыток и в наши дни.

Виталий ЯРОВОЙ

"Про смерть легко в отопленном доме писать...
Откровение Монеточки

МНЕ ОТКРОВЕННО не нравится певица Мо-
неточка. Вы её не знаете? Наверное, пра-
вильно. Сумбур вместо музыки. Хотя, она и её
песенки — актуальны среди молодёжи. Больше
того — среди якобы образованной и типа-думающей
молодёжи. Той, что по Европам катается и гаджеты
фирмы Apple предпочитает изюсть. С другой сто-
роны, мне и не должна импонировать юношеская
мода. Моя мама полагала, что Виктор Цой поёт на
одной "противной" ноте и тупо перечисляет пред-
меты и явления. Как в том анекдоте: "Что увижу —
то пою". Одна взрослая подруга тогда сказала:
"Группа "Кино" — это какой-то дешёвый акмеизм
для столичных пэтзшников". Поэтому было бы
странно, если бы я стала фанаткой вышеупомяну-
той Монеточки — нас вдохновляла другая "умца-ца",
иные формы, "дырки-булки-вылики" и прочие "алюми-
ниевые огурлы на брезентовом поле". Рок-н-ролл,
путь и мёртв, а БГ — ещё нет. А в Монеточке меня
раздражает всё: от сценического имени до тонень-
кого инфантильного голоса. Создание, которое ни-
когда не повзрослеет. Никогда не превратится в...
полтинник. Мне — скоро полтинник, я ворчу. Мне
триста лет, я выполз из тьмы", — как пел уже другой
наш кумир, коего мы отринули, раз он выплеснул:

Кадр из клипа Монеточки "90"

ПЕЧАЛЬКА О 90-Х

Монеточка и её клип

"Моя страна сошла с ума". Однако же "вот море мо-
лодых колышут супербасы" — всё так. Не такие, как
бы повнурилось. Но у Монеточки — не басы
(игра слов, да, басы и бас — не одно и то же, я в
курсе). Писк юной хипстерши, раздающей баналь-
ные истины. Истинки. У Монеточки не может быть
полновесных идей — она разломится под их неимо-
верной тяжестью.

Эра лёгкости и очаровательного тяп-ляпа.
В своё время Ильф и Петров писали: "Парал-
лельно 'большому миру', в котором живут большие
люди и большие вещи, существует 'маленький мир'
с маленькими людьми и маленькими вещами. В
'большом мире' изобретён дизель-мотор, написаны
'Мёртвые души', построена Днепропетровская гидро-
станция и совершён перелёт вокруг света. В 'маленьком
мире' изобретён кричащий пузырь 'уиди-уйди', на-
писана песенка 'Кирпичики' и построены брюки фа-

сона "полпред". В "большом мире" людьми двигает
стремление облагодетельствовать человечество.
"Маленький мир" далёк от таких высоких理念的".
Ничне сделано модно проживать свою life в
"маленьком мире", где французский луковый суп в
хипстерской забегаловке предвещает многия
"лайки" записанному look-у. Монеточка — богиня
маленького и уютного мира. Мимочка. Это даже
не мирок. В сетевом общении популярны уменьши-
тельно-ласкательные формы. Хорошенькая де-
вушка — "ншечка". Гастрономический изыск —
"вкусняшка". Мелькают "печеньки" и "отношеньки".
Если всё не о'кей и не сложились "отношеньки" или
врач запретил "вкусняшки", то — "печалька". Хру-
пенкое, болезненное, тухлое. Тухловатенькое. По-
тому как Большой мир, созданный в эпоху индустри-
ализации (ах, я опять о своём СССР!) позволяет
девочкам с крохотными, неумелыми лапками ни
черта не делать — сдавать прабабкину квартиру и
целыми днями мазать пальцами новенький айпад.
Монеточка — их кумир. Выразительница их милень-
кого счастья, иногда отдающего печалькой напо-
лам с печенючками. "А я живу не так уж плохо, пью
сахарный чай. / Пишу на новеньком макбуке тексты
про печаль", — констатирует Монеточка.

С какой радости я так долго ругалась по поводу
нейнтересной мне певицы? (Певичкой называть не
стану: "певичка" — это пошлятина, а Монеточка —
"птичка"). Она выдала ополосоциальную компози-
цию — и не о чём-нибудь, а про 1990-е. О! Это на-
добно дослушать до конца, преодолевая
подкатывающее отвращение к чиркачине и курпы-
канью. Здесь нет ни малейшей идеализации "свя-
тых девичьих", как их предлагали именовать
мадам Наина Ельцина. Что же наша "копеечка-не-
величка"? Сама Лиза Гырдымова (такова Монеточка
по паспорту) сказала в интервью Фонтанке.ру: "Всем
людям моего поколения родители рассказывают о
90-х, все эти страшные байки, и для нас 90-е — это
некая такая сказка перед сном. Какой-то странный
мир, про который мы все немножко знаем. Что там
было страшно, выходяшь на улицу — бандиты стре-
ляют. И я хотела вот это вот передать, как мне это
рассказывали родители, про это время. Сама я про
него, конечно, не знаю. И так и говорю: только из
кассет и песен "Кровостока". Да, Монеточка не
была бы собой, если бы знала о прошлом своей
страны из книг или статей А. Проханова, Е. Холмо-
рова или С. Кара-Мурзы — не так важно. Что за
"Кровосток"? Ещё один голос поколения — раз-
группа с претензиями на остроту.

Впрочем, повторюсь: песня Лизы о 1990-х уже
тем хороша, что не романтизирует лютые годы. Ав-

торша не пытается по ним скучать. Не рассматри-
вает в качестве "плотка свободы" и "времени боль-
ших возможностей". Текст песни занятнее, чем сама
песня. Правда, есть нюанс! Лиза-Монеточка обильно
сыплет матерком — гнусно и ненатурально. Во-
обще, нецензурная брань годится в одном случае:
когда наступает экстремальная ситуация и уже по-
просту нечем выразить простую, жёсткую мысль.
Щебечущий вечнойной Монеточке "не идёть" ру-
гаться матом, ибо очень сложно представить, что ей
на ногу может упасть ресурса от трактора "Бела-
русь". Лизочка вставляет ругань совершенно по-
детски — будто бы желая казаться крутой и кон-
кретной. Но не взрослой, а — самой-самой провинитой
в компании таких же юниц-бездариц. Выглядит
ужасное глупо. Вместе с тем... песня — своео-
бранный памятник эпохе. Драм сразу — той и этой.
Что думает о 1990-х кумир нынешней толпы? Так
пошушаем!

Итак, лирическая героиня Монеточки — сугубо
несчастное и ущербное существо: её "...начали в
видеосалоне где-то под стрельбой, под лай и вой".
Утомляющая констатация. Пропустив тему зачатия,
обратимся к видеосалонам. На рубеже
1980-х—1990-х они превратились в оазисы буржуаз-
ной культуры. Стрельба, крутые блокбастеры с уча-
стием тщеславных культуристов и разная збудро-
бительная мешанина из "хороших" и "плохих"
парней, прыжков с небоскрёба и — финально-три-
умфальная драка в заброшенном цеховом помеще-
нии. Лай и вой — "хорроры", которые неплохо легли
на общую канву постперестроечной житухи. Что же
было кругом? Оказывается, ещё противнее, чем в
"Пятнице, 13-е" и "Терминаторе-2"

"Бензном водку мешали, глушили литрами. / До
десяти доживали самые хитрые", — выводит Моне-
точка, и мы вспоминаем, что в те безумные годы ни-
кого особо не удивляли дёти-беспризорники: гряз-
ные, зачумлённые, обкуренные разнообразной
мерзостью и хорошо если просто пьяные. Они бе-
гали из дома, пока их мамы "челночили" в Польшу
или пытались устроить личное счастье. "Курили что
угодно, только не сигареты / Потушили-забыли: что
было — прошло". Сейчас кажется диким, что в
1990-х попробовали наркоту (хотя бы "травку") не
считалось чем-то из ряда вон. Жизнь человека не
стоила и гроша. О нет! Конечно, доллар! Трупы —
не пугали. Их находили в парках и скверах. С про-
стеганными лбами или безо всяких повреждений.
У девочек — "перерод". Так зачем вызывать скорую,
когда всё равно девочка — созрела? Для смерти. Да
и скорая будет ехать часа три.

Уверенный рефрен эпохи: человек человеку —
мишень. Поэтому "Делить ларьки ужасно весело с
другом на даче. / Делить страну — это немножко
другая задача..." Пока туповатый короткопалый
мальчик, обрадовавшийся, что больше не надо
стремиться в вуз, расстреливал вчерашнего со-
седа по парте (пацаны не поделили территорию
под бизнес и Ляльку-модельку), взрослые умные
дяди ревали на части бывшую сверхдержаву.
Становились не боссами ларьков со с